

Профессор Михаил Васильевич Воробьев
1922–1995 гг.

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА
ВОРОБЬЕВА**

К 10-летию со дня кончины

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005**

Е. И. Кычанов

М. В. ВОРОБЬЕВ — УЧЕНЫЙ

Дать исчерпывающую оценку такому крупному ученому-востоковеду и археологу, каким в недавнем прошлом в отечественной науке был М. В. Воробьев задача не простая и не может быть решена в рамках одной статьи.

Я могу считать себя коллегой М. В. Воробьева и был с ним знаком по меньшей мере сорок лет. Когда я обучался в аспирантуре, А. П. Окладников через В. Е. Ларичева предложил мне отреферировать китайскую статью, в которой речь шла о надгробии одной из бохайских принцесс и даже попытаться разобраться в тексте надгробия. В библиотеке Института истории материальной культуры (ИИМК), в котором тогда работал М. В. Воробьев, был один китайский источник по Бохаю (698–926 гг.), которого не было в библиотеке Института востоковедения (ИВ). Книга оказалась на руках у М. В. Воробьева. И вот я пришел в сектор палеолита, где сидел М. В. Воробьев, худощавый строгий человек, который книгу мне дал, но несколько раз упомянул о том, чтобы я ее поскорее ему возвратил. Так мы познакомились. Воробьева я раньше не знал, хотя знал в лицо или понаслышке многих археологов. Не только потому, что мы работали в одном здании и толклись в одном буфете, я сам два сезона в 1953 и 1954 го-

дах отработал в экспедициях. С А. П. Окладниковым, шефом М. В. Воробьева тоже познакомился в 1954 г.

Судьба М. В. Воробьева была типичной судьбой востоковеда, который должен был делать то, что требовала работа, которую он по счастью получил. Воробьев стал археологом, ездил в экспедиции и его первые большие работы были напрямую связаны со знанием восточных языков — «Древняя Япония» (1958 г.) и «Древняя Корея» (1961 г.). Здесь сразу надо сказать, что М. В. Воробьев представлял редкий в то время, да и сейчас, тип востоковеда, который владел не одним языком региона. Воробьев мог пользоваться в своих работах материалами (источниками и литературой) на японском, корейском и китайском языках. Его первые монографии были актуальны в связи с широким развертыванием с начала 1950-х годов фронта археологических работ в Приморье и на советском Дальнем Востоке. Кандидатская диссертация (1953 г.) была посвящена «Каменному веку стран Японского моря». Воробьев активно информирует научную общественность о достижениях археологической науки в Китае, Японии, Корее. Я не берусь оценивать цикл его археологических исследований, это скорее дело специалиста-археолога данного региона, но одно бесспорно — он открыл благодаря своему знанию языков древние первобытные культуры Японии и Кореи для археологов и историков Дальнего Востока.

Говорят, все возвращается на круги своя. И его данью увлечениям археологией и древней историей зарубежных стран Дальнего Востока стала его последняя монография «Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно)»¹ М. В. Воробьев считал и исследовал прошлое этих районов как окраин огромного Сибирского ареала. «Характер источников, — писал он вынуждает нас подходить к региону как окраине Срединной империи, что с неизбежностью влечет за собой известную запро-

¹ Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древних времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 409 с.

граммированность самого исследования. Между тем, регион в естественно-географическом, демографическом, историко-культурном отношении является, скорее, окраиной огромного Сибирского ареала. Эта окраина отнюдь не чужда внутренней пестроты. . . Открыта она была только на юг — на Северо-Китайскую равнину. Возникновение, формирование и трансформация тяги к этой равнине явились весьма ощутимыми факторами в жизни обитателей региона».² Эта нестандартная постановка вопроса, исторически совершенно справедливая, не получила пока широкого признания. Источником необъективного подхода к истории региона М. В. Воробьев полагал проникшую в науку со второй половины XX в. «националистическую идеологию». «В отношении к региону национализм проявлялся в двух формах: в изоляционизме и в наступательном национализме. Первые формы стали господствовать в СССР, МНР, КНДР, последняя — в КНР».³

М. В. Воробьев был активным членом Географического общества, многие годы работал в его комиссиях по этнографии и восточной. Для его исследований характерно пристальное внимание к этнической истории, к этносам. Может быть, в данном случае сказались его многолетние дружеские отношения с Л. Н. Гумилевым, хотя, что греха таить, он, возможно, как и многие востоковеды и историки, не разделял всех суждений и взглядов Л. Н. Гумилева. Во всяком случае, я вынес такое убеждение из неоднократных разговоров с ним о научном наследии последнего.

В своей последней работе М. В. Воробьев как раз рассматривает историю основных народностей региона Маньчжурии и востока Внутренней Монголии, основываясь на основных отождествлениях их реальной или возможной этнической принадлежности, предложенных в разное время исследователями разных стран.

К прототунгусам он отнес дунъи, сушэнь, илоу, уци, мохэ,

² Там же. С. 355.

³ Там же. С. 3.

сумо мохэ. Вершиной развития прототунгусского этноса он полагал государство Бохай. По его заключению, «Бохай был первым настоящим государством в . . . регионе. Бохай был государством, все структуры которого оказались оформлены, а его территория занимала большую часть региона. Культура его оказалась синтетической, и именно поэтому самостоятельной, высоко развитой, стойкой. Китайско-корейские новшества заимствовались без оглядки на самостоятельность, что дало великолепные плоды: бохайская культура пережила двухсотлетнюю государственность и питала своими соками культуры последующих поколений, как, впрочем, и соседей в VIII–X вв.»⁴

К палеоазиатам М. В. Воробьев относил чаосянь (чэсон) и Древний Чосон XII–II вв. до н. э., вэймо (емэк), боцзюй (окчо), фуэй (пуэ), Когурё. В данном случае примечательно то, что М. В. Воробьев относил, хотя бы северную часть корейского этноса, исторически принадлежащей палеоазиатам.

Частью протомонгольского этноса, по его мнению, были дунху, сюнну, ухуани, сяньби, жуаньжуани, кидани. В данном случае он во многом следовал мнениям современных монгольских ученых. Принадлежность сюнну (гуиннов), сяньби и ответвлений этого этноса, жуаньжуаней к протомонголам оспаривается многими исследователями.

В любом случае попытка дать системную, упорядоченную идентификацию большому числу этносов данного региона заслуживает внимания специалистов.

В годы работы в ИВ М. В. Воробьев много внимания уделял истории чжурчжэней и созданного чжурчжэнями государства Цзинь (1115–1234 гг.). «Без преувеличения можно сказать, что чжурчжэни принадлежат к числу тех народов, чья известность далеко уступает их роли в истории. . . успехи чжурчжэней подверглись присвоению благодаря непревзойденному методу, столетиями разрабатываемому ки-

тайскими учеными. В русло китайской истории с неизменной последовательностью вводилось все, что происходило в китайской и около китайской ойкумене, независимо от того осуществлялось ли это в Китае, для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира – для них всего, для нас дальневосточного. . . (некитайские) династии и все ими сделанное официально включалось китайскими историками в фонд истории Китая. . . »⁵ «В мире культурной истории Китая едва ли не безвозвратно растворились бесчисленные вклады многих некитайских народов и государств».⁶ «Сквозь призму китайских исторических трудов» история чжурчжэней и династии Цзинь выглядит как «не то очередной сменой династии. . . в развитии китайского. . . общества, не то нашествием и повальным грабежом богатой и культурной страны – Китая».⁷

По убеждению М. В. Воробьева выход на историческую арену Дальнего Востока чжурчжэней «открыл качественно новый этап в истории тунгусо-маньчжурской народности». Возникает государственность тунгусо-маньчжурских народов, развивается самобытная культура, «достаточно прочная и живучая, чтобы в XIV–XVII вв., то есть спустя столетия после политического краха в середине XIII в., дать жизнь новой родственной народности и государству и продолжать сохранять свое влияние после гибели и этой маньчжурской государственности и культуры в среде современных нам тунгусо-маньчжуров».⁸ М. В. Воробьев стоял на позициях прямой преемственности между чжурчжэньской этнической общностью и маньчжурской и полагал, что «генеалогическая цепь: сушэни — илоу — уцзи-мохэ — чжурчжэни —

⁵ Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.): Исторический очерк. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 3.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же. С. 4–5.

⁴ Там же. С. 134.

маньчжуры. . . оказалась приемлемой и в основных своих звеньях мало оспаривается современной наукой». ⁹ Правда среди современных маньчжуроведов есть такие, которые пытаются отрицать прямую преемственность между чжурчжэнями и маньчжурами. В сложении чжурчжэньской народности принимало участие и население Бохая и Корё. По заключению М. В. Воробьева, чжурчжэни складываются как народность к началу XII в. ¹⁰

Сформирование в недрах чжурчжэньского общества военно-административной системы — тысяч (мэнъянь) и сотен (моукэ) М. В. Воробьев расценивал как проявление ранней государственности. Тысячи и сотни «сложились как общественные ячейки с комплексом неразделенных функций: общественной, экономической, военной». ¹¹ К его мнению следовало бы прислушаться тем исследователям как в нашей стране, так и за рубежом, которые ернически отрицают «пятичленку» — марксистское учение об общественных формациях, отрицают государственность у кочевых народов и народов, близких им по характеру и уровню социально-экономического развития. «Рабство, — писал М. В. Воробьев, — в более точном смысле этого слова — любая потеря личной свободы. . . служит верным свидетельством существования классовых отношений в чжурчжэньском обществе на рубеже XII в.». ¹² В 1115 г. было официально провозглашено государство Цзинь.

Военные успехи молодого агрессивного чжурчжэньского государства в войнах с Китаем (Сун) хорошо изучены в отечественной науке. К концу 1126 г. пал Кайфэн (Бянь), два китайских императора попали в плен и были увезены на север в глубь Маньчжурии. Войны с Сун закончились мирным договором 1141–1142 годов. М. В. Воробьев анализировал при-

чины поражения Сун. Одну из основных он видел в том, что в Китае «государственному началу. . . отводилась подчиненная роль по сравнению с началом этическим». ¹³ Он ставит очень важный и требующий дальнейшего осмысления вопрос о незавершенности процесса образования китайской народности, объясняя этим широкое участие китайцев севера в войне с Южной Сун на стороне Цзинь. Он не разделяет традиционное осуждение главы партии мира Цинь Гуй: «Не Цинь Гуй вызвал кризис, а его ставили у кормила правления, когда этот кризис наступал». ¹⁴ Развивая свой тезис о значении фактора этноса, М. В. Воробьев заключает: «Неустойчивая этническая ситуация в Китае бесспорно содействовала чжурчжэньским победам». ¹⁵ Боюсь ошибиться, но, кажется, М. В. Воробьев первым в нашей китаеведной науке обратил внимание на важность такого фактора, как наличие многовекового процесса сложения китайского этноса, процесса, может быть, еще и незавершенного в наши дни, и его влияния на события китайской истории.

М. В. Воробьев не употреблял в отношении государства Цзинь принятого в американской, западноевропейской и японской историографии термина «династия завоевания». Проблеме формирования социальной опоры чжурчжэньские государы и верхушка чжурчжэньского общества решили путем образования из чжурчжэней-победителей военизированных общин — сотен и тысяч. Сотни и тысячи получили на льготных условиях землю, тягловый скот и сельхозинвентарь. Первоначально в процессе завоевания создавались также китайские и бохайские сотни и тысячи, но в 1140 г. они были упразднены. По заключению М. В. Воробьева, «большинство переселившихся в Китай чжурчжэней превратилось в помещиков, сдававших свои земли китайцам в аренду». ¹⁶

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 57.

¹² Там же. С. 61.

¹³ Там же. С. 368.

¹⁴ Там же. С. 370.

¹⁵ Там же. С. 370.

¹⁶ Там же. С. 134.

Хорошо известно, что в Цзинь было большое число рабов. Отсюда соблазн трактовать цзиньское чжурчжэньское общество как общество рабовладельческое. М. В. Воробьев полагал, что «корень различных оценок общества Цзинь — в сложности отождествления конкретной картины с понятием формации».¹⁷ По его мнению, «после образования государства и выхода чжурчжэней на Китайскую равнину это общество уже не развивалось изолированно по своим законам».¹⁸ Раннецзиньская государственная модель «стала быстро эволюционировать, заимствуя элементы сунской».¹⁹ В итоге, по мнению М. В. Воробьева, с середины XII в. «цзиньское государство стало превращаться в настоящую централизованную бюрократическую монархию развитого феодализма».²⁰

М. В. Воробьев вынужден был искать приемлемое решение. Надо сказать, что 1960–1980-е годы стали временем развенчания наличия рабовладельческой формации. Была выдвинута идея, что большое число рабов в обществе отнюдь не означала его принадлежности к рабовладельческой формации. В 1960 г., когда автор этих строк защищал кандидатскую диссертацию, его оппонент проф. В. М. Штейн указал ему, что наличие рабов в Ся, их число и эксплуатация позволяют характеризовать тангутское общество как рабовладельческое. Я в своем ответе настаивал на том, что оно было «патриархально-феодальным», исходя из того, что позже хорошо сформулировал М. В. Воробьев, ссылаясь на сложность отождествления конкретной картины с понятием формации. Когда позже я стал изучать тангутское право, я все больше склонялся и склоняюсь признать правоту проф. В. М. Штейна. Более того, с позиций истории права я даже разделяю точку зрения ряда японских исследователей о том, что и китайское общество династии Тан можно вполне понимать как рабовладель-

¹⁷ Там же. С. 149.

¹⁸ Там же. С. 149.

¹⁹ Там же. С. 150.

²⁰ Там же. С. 150.

ческое. Поэтому мне и сейчас понятны и колебания и позиция М. В. Воробьева и то решение проблемы, которое он предложил.

М. В. Воробьев полагал, что государственное законодательство Цзинь «провозглашало равенство всего населения перед законом, независимо от национальной принадлежности»,²¹ «несмотря на то, что в законы и кодексы Цзинь включали фразы о том, что преступления в среде одного какого-либо народа, наказываются по законам этого народа».²² В данном случае было бы очень важно знать, относилась ли эта норма права к подданным Цзинь, или к подданным иностранных государств. А именно к ним была применима эта норма китайского танского права, на которое ориентировалось, по исследованию М. В. Воробьева, право Цзинь.

Продолжением исследования «Чжурчжэни и государство Цзинь» стала монография «Культура чжурчжэней и государства Цзинь».²³ Автор преуведомлял читателя, что его основное внимание было сосредоточено на истории культуры чжурчжэней в период Цзинь. И только «в тех случаях, когда взаимодействие чжурчжэньской и китайской культуры (в одном каком-либо или в обоих направлениях) было принципиальным и важным, мы рассматриваем проблему в рамках всей цзиньской культуры, в которую входила и китайская».²⁴ «Средневековые китайские авторы, говоря о культурных связях чжурчжэней, рассматривают их, во-первых, всегда как сторону берущую, а во-вторых, только как объект одного китайского влияния».²⁵ М. В. Воробьев утверждает, что чжурчжэньская культура уходит корнями в прошлое Маньчжурии, Приморья, и Приамурья. Особое место в ее формировании и

²¹ Там же. С. 372.

²² Там же. С. 188.

²³ Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в.–1234 г.). М.: Наука, 1983. 367 с.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 227.

прошлом принадлежало Бохаю, ощущается в ней и киданьская струя. «Не бывает автономного развития без влияний». ²⁶ Через киданей и корейцев к чжурчжэням пришел буддизм. Киданьское письмо повлияло на создание письма чжурчжэньского. М. В. Воробьев полагал, что киданьская письменность и литература широко использовались и в период расцвета Цзинь. ²⁷ «Для нас, — писал М. В. Воробьев, — в чжурчжэньско-киданьских культурных связях выступают две особенности: 1) существование связей на разных социальных уровнях соперников, полярно изменившихся для них с переходом из XI в XII век; 2) почти полная неизвестность конкретных форм культурного воздействия чжурчжэней на киданей, когда последние вошли в состав империи Цзинь». С середины XII в. поощрялись браки между киданями и чжурчжэнями. ²⁸

Чжурчжэньская культура повлияла на северных и восточных соседей. Кстати, интересно отметить влияние чжурчжэньской культуры на культуру насельников острова Хоккайдо (охотская культура).

Очень любопытно мнение М. В. Воробьева об определенной ограниченности распространения буддизма среди чжурчжэней. В период Цзинь буддизм натолкнулся на мероприятия правительства, направленные на отстранение буддийского духовенства от участия в государственной и официальной общественной жизни страны. «Видя в пропаганде буддизма среди чжурчжэней скрытую китаизацию, цзиньские императоры в указах и личным примером перевозносили традиционные обряды поклонения Небу, духам предков (1183 г.), критиковали учение буддистов и даосов, подчеркивая благотворную общественную практику государственной власти в противовес иллюзорным обещаниям проповедников этих учений (1186 г.), ограничивали строительство буддийских и даосских храмов (1174, 1178 гг.) и запрещали частное посвящение в

²⁶ Там же. С. 235.

²⁷ Там же. С. 236.

²⁸ Там же. С. 237.

сан». ²⁹ О последнем, однако, заметим, что и по китайским законам строительство храмов и пострижение в монахи без разрешения государства было запрещено.

Интерес чжурчжэней к китайской культуре, по словам М. В. Воробьева, был «неизмеримо шире, постоянное и откровеннее». «Цзиньская культурная политика предусматривала широкое знакомство с китайской культурой. . . в процессе совместной общественной и культурной жизни в новой империи, выборочное усвоение под государственным контролем китайских новшеств в южносунском варианте, внедрение в китайскую среду в Цзинь некоторых чжурчжэньских обычаев и. . . защиту собственной чжурчжэньской культуры от излишнего засилья китайских новшеств». ³⁰

От китайцев требовали лояльности. В 1126 г. всем китайцам, чжурчжэньским подданным было предписано носить кофу, по указу 1129 г. за непослушание полагалась смертная казнь.

Чжурчжэни болезненно ощущали наступление китайской культуры, и как раз источники цзиньского времени содержат немало сентенций о необходимости сохранения своей собственной культуры. В 1172 г. император Ши-цзун говорил министрам: «Хуэйнинфу — это место происхождения государей нашего дома. . . Чжурчжэни постепенно забыли свои древние обычаи и весьма пристрастились к обычаям китайским. . . Опасно, если впоследствии совершенно изменятся наши обычаи». ³¹ В 1191 г. был издан указ, запрещавший в текстах на китайском языке называть чжурчжэней «фань» — «варварами». Естественно, наличие стойкого китайского большинства среди населения Цзинь вело к аккультурации и ассимиляции части чжурчжэньского этноса. Но, как мы уже говорили выше, М. В. Воробьев твердо стоял на той позиции, что чжурчжэньский этнос и чжурчжэньская культура в XVI–XVII ве-

²⁹ Там же. С. 251.

³⁰ Там же. С. 248.

³¹ Там же. С. 250–251.

ках возродились в маньчжурском этносе и маньчжурской культуре.

Изучение истории некитайских династий в Китае и их роли в китайской истории только разворачивается. М. В. Воробьев не только в нашей стране, но и в масштабах европейской науки сделал много для изучения чжурчжэней и государства Цзинь. В 2003 г., когда европейская синология и научная общественность отмечала 90-летие со дня рождения немецкого сиолога, также специалиста по Цзинь проф. Герберта Франке, проф. Франке в своей публичной лекции о Цзинь в городе Лейден (Голландия) назвал имя только одного своего коллеги — Михаила Васильевича Воробьева. Именно так, полностью — Михаил Васильевич Воробьев.

Для того поля научной деятельности М. В. Воробьева, о котором мы напоминаем читателю, было характерно широкое использование археологического материала, подробная рекомендация разноязычных источников и литературы, обязательное оформление исследования картами. В его монографиях читатель всегда находил указатели событий, — синхронистические таблицы не только предмета исследования, но и окружающего мира, что помогало вписать объект исследования не только в окружающий мир, но и в мировую историю. Наличие генеалогических таблиц тоже было излюбленным предметом исследований и книг М. В. Воробьева.

Я не коснулся трудов М. В. Воробьева по истории и истории культуры Японии и Кореи, оценка их — дело специалистов. Но уже своими исследованиями прошлого Приамурья, Приморья и Маньчжурии, истории и культуры чжурчжэней и государства Цзинь М. В. Воробьев остается в нашей науке как крупный ученый-востоковед, фигура незаурядная, как по своим личным качествам, так и по способам и методике научного исследования.